

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

**ОЛЬГА
ТАЛЬКОВА
ВЛАДИМИР
ТАЛЬКОВ**

**ИГОРЬ
ТАЛЬКОВ**

УБИЙЦА НЕ НАЙДЕН

Дело не закрыто

Владимир Тальков

Игорь Тальков. Убийца не найден

«Алисторус»

2016

УДК 784.071.2Тальков И.
ББК 85.364.1(2)6-8

Тальков В. В.

Игорь Тальков. Убийца не найден / В. В. Тальков — «Алисторус»,
2016 — (Дело не закрыто)

ISBN 978-5-906880-29-1

Двадцать пять лет назад трагически оборвалась жизнь талантливого музыканта и поэта Игоря Талькова... Убийца так и не найден и не понес наказания. Будет ли возобновлено «приостановленное» дело? Кто звонил Талькову в день убийства с угрозами? Почему Малахов, из оружия которого был убит музыкант, прибыл с повинной лишь через 10 дней? Получал от кого-то инструкции? Зачем он разобрал и выбросил в Мойку револьвер, если не стрелял из него? Что мешает привлечь к ответу предполагаемого убийцу – Валерия Шляфмана, сбежавшего в Израиль? И кто вообще стоял за организаторами скандала, развернувшегося в петербургском Дворце спорта? Чтобы понять, кому мешал Игорь Тальков, ставший голосом «обманутого поколения», нужно лишь вдумчиво ознакомиться с его дневниковыми записями и воспоминаниями близких ему людей... Книга также издавалась под названием «Крестный путь Игоря Талькова».

УДК 784.071.2Тальков И.

ББК 85.364.1(2)6-8

ISBN 978-5-906880-29-1

© Тальков В. В., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Стреляя в Талькова, попали в Россию	6
О. Ю. Талькова, В. В. Тальков	8
Испытания	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Талькова, Владимир Тальков Игорь Тальков. Убийца не найден

© Талькова О. Ю., 2016

© Тальков В. В., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Стреляя в Талькова, попали в Россию

Поэт в России всегда пророк. И неважно, какой режим в стране: монархический, коммунистический или, как сейчас, демократический. Но преследует одна жестокая закономерность. Прощаясь с Николаем Рубцовым, последним романтиком великой отечественной поэзии, Виктор Астафьев сказал: «Человеческая жизнь у всех начинается одинаково, а кончается по-разному. И есть странная, горькая традиция в кончине многих больших русских поэтов. Все великие певцы уходили из жизни рано и, как правило, не по своей воле». Пушкин, Лермонтов, Есенин, Рубцов, Тальков... Поэты национального духа разных столетий и эпох.

Словно молнией поразило в 1991-м, через два месяца, как распался Союз, известие из Петербурга: выстрелом в сердце убит поэт, певец, композитор Игорь Тальков. Хотя предчувствия, что с ним может случиться беда, не покидали. Когда в эфире впервые прозвучала его «Россия» («Листая старую тетрадь расстрелянного генерала...»), поначалу подумалось: может, эта песня всего лишь случайность в репертуаре артиста, который так запомнился лирическими «Чистыми прудами». Но следом появились «Бывший поддесаул», «Родина моя», «Я вернусь» – гражданские, философские, воинствующие песни, и стало ясно, что на эстраду пришел национально мыслящий певец, способный пробуждать самосознание масс. Явление в среде рок-музыкантов невиданное. Это-то и предопределило неминуемую расправу над ним. Сам певец не скрывал своего назначения: «Мне бы только себя излить в песне, душу свою, боль за русский народ...»; «Россия – боль моей души. Социальные песни – крик моей души. Бой за добро – суть моей жизни. Победа над злом – цель моей жизни».

Хорошо известно, как трудно пробиться у нас таланту, тем более истинно народному; сколько преград, препонов на пути к его признанию:

Сцена,
А дорогу к тебе преграждала нечистая сила,
И того, кто ей душу запродавал, – перевозносила.
Раздавая чины и награды
Тем бездарным, пронырливым гадам,
Настоящих и неподкупных сводила в могилу.

Игорю Талькову суждено было нести истину в народ со сцены, утверждая высокие понятия правды, любви и вечности. Лишь неполных три года, с 1989-го по 1991-й, продираясь «сквозь дремучие джунгли закона», поверял он ей все, чем болела душа. И воздействие на массы было ошеломляющим. Сохранились видеозаписи концертов Игоря Талькова. С каким вниманием, сопереживанием, с какими одухотворенными лицами слушали выступления артиста. Как был он красив, гармоничен, благороден на сцене. «Ко мне тянутся люди разные, – говорил певец, – и юные, и зрелые, и пожилые, и добрые, и злые, и умные, и глупые, и девочки, и мальчики, и мужчины, и женщины, и дедушки, и бабушки...» Не зная покоя, Тальков исколесил с концертами всю страну. И всюду аншлаги. Его и убили на взлете, когда популярность росла день ото дня.

То, что тучи над ним сгущаются, певец понимал. «Меня убьют при большом стечении народа и убийцу не найдут». Так и произошло. Стреляя в Талькова, попали в Россию. Но прощались убийцы в одном. За свою короткую жизнь Игорь Тальков выполнил свою миссию, пройдя предначертанный ему земной путь. Он часто повторял: «Можно убить тело, но нельзя убить душу». Как нельзя истребить веру в грядущее величие России в его стихах.

Когда-нибудь, когда устанет зло

Насиловать тебя, едва живую,
И на твое иссохшее чело
Господь слезу уронит дождевую,
Ты выпрямишь свой перебитый стан,
Как прежде, ощутишь себя мессией
И расцветешь на зависть всем врагам,
Несчастливая Великая Россия.

С. Маршков

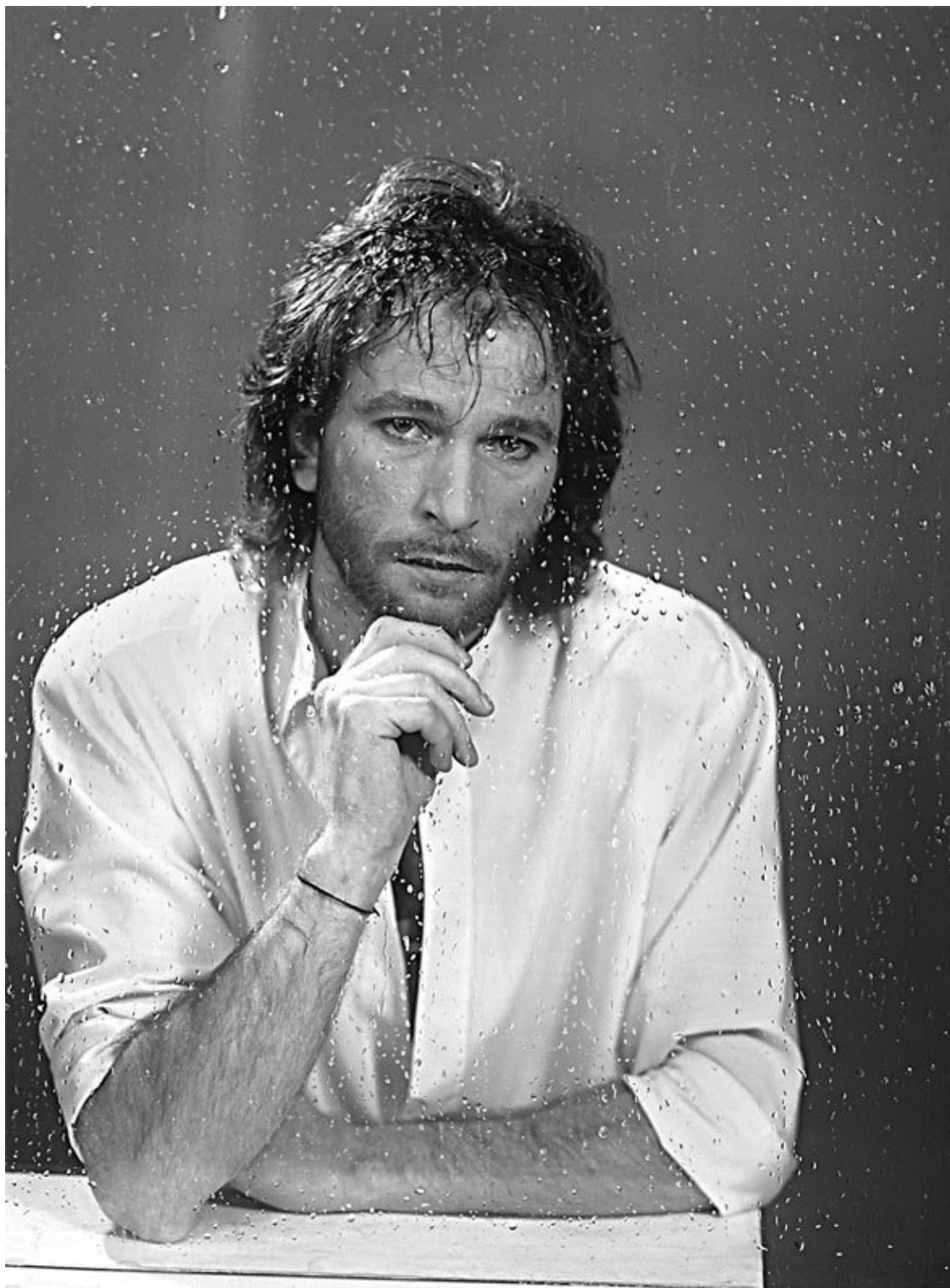
О. Ю. Талькова, В. В. Тальков

Из воспоминаний матери и брата

Испытания

Родители мои родом из Ставропольского края: мама Татьяна Ивановна Мокроусова, из крестьянской семьи, а отец, Юлий Рудольфович Швагерус, немец по происхождению, родился в семье кожевника в селе Иноземцево недалеко от Пятигорска. Предки мои по линии отца жили в тех краях со времен Екатерины II, которая переселила немцев из Европы на Северный Кавказ. Образовалась колония Каррас, а проще – Иноземцево, название которого говорит само за себя. Немцы всегда отличались трудолюбием, были деловым народом, знающим многие ремесла. Вот и дед мой обучил детей своих кожевному делу. Папа стал разъезжать по деревням и выделывать кожи.

Родилась я в 1924 году, принеся с собой страшный голод. Городская жизнь была невыносимо тяжелой, и мама в надежде на то, что в деревне отец всегда найдет работу по специальности и обеспечит семье кусок хлеба, стала уговаривать его переехать в село Новоселицкое, где жила вся ее родня. И действительно, папа поступил писарем в контору, а по вечерам занимался выделкой кож – тяжелым, изнурительным трудом, как я поняла позднее. Но, ничего не поделаешь, нужно было обеспечивать семью. Естественно, со всех сторон пошли заказы, и папа стал неплохо зарабатывать. Мы купили лошадь, корову, поросенка. Обзавелись хозяйством и по тем временам зажили крепкой жизнью.

*«Летний дождь, летний дождь
Моей души омоет рану».*

Но начались разговоры о коллективизации, и пришлось собираться назад, в город. Отец туда вернулся в 1928 году, устроился на работу, а через год забрал маму и нас (к тому времени родился мой брат Володя). Мы везли в город корову, телку, зерно и были уверены, что первое время проживем безбедно... Однако процесс раскулачивания коснулся и городских жителей,

нас в том числе. И только когда мама привезла из деревни документы, подтверждающие, что ее родные своего хозяйства не имели, всю жизнь батрачили да к тому же два ее брата погибли на фронте в Гражданскую войну, нас оставили в покое (хотя с коровой пришлось расстаться).

Постепенно налаживалась наша городская жизнь в Минеральных Водах. Семья была небогатая, но очень дружная. Отец, музыкально одаренный человек, играл в самодеятельных спектаклях. Даже во время нашей деревенской жизни, когда он занимался тяжелым физическим трудом, папа тем не менее находил в себе силы для организации самодеятельности, ставил пьесы и сам в них играл. Мама была обременена хозяйством, обшивала семью и поэтому была в стороне от папиных увлечений.

В нашей семье всегда думали прежде всего о детях; родители по возможности старались ни в чем нам не отказывать. В доме никогда не было дорогих вещей (мама купила, помню, дешевый коврик, повесила на стену и была очень довольна), но, если в Пятигорск приезжал цирк или зверинец, родители на сэкономленные деньги везли нас на представление. Ездили мы и в Железноводский парк. Отец вообще очень много внимания уделял детям, с удовольствием занимался с нами... О детстве у меня самые радостные, самые светлые воспоминания.

В школьные годы я много читала, любила музыку, театр. С первого класса участвовала в самодеятельности: танцевала, пела, играла на разных инструментах.

В 1939 году папе наконец дали квартиру в Пятигорске, которую мы очень долго ждали, но прожили в ней менее двух лет – началась война. Мне было тогда семнадцать лет. Помню, я не очень горевала: как и все вокруг, была уверена в нашей скорой победе. Прошло немного времени с начала войны, и мы были ошеломлены неожиданным сообщением: нас как немцев, а значит, врагов, выселяют в Сибирь. Не учитывалось даже то, что в городе папа был очень нужным человеком: работал на телеграфе сразу на четырех аппаратах, сидел по ночам, сутками не выходил с дежурства... Я никак не могла в это поверить. Помню, спросила:

– Почему с нами так поступают?

– Мы ничего не знаем. Это приказ «сверху», из Москвы. Через четыре дня будьте готовы к выезду. С собой можно взять по пятьдесят килограммов на человека.

– А остальное?

– Остальное не наше дело. Продайте, выкиньте.

Я в то время была комсомолкой, безоговорочно верила в коммунистические идеалы. Этот случай потряс меня, перевернул все мои мысли. Я прибежала домой, схватила комсомольский билет и разорвала его на мелкие кусочки. С тех пор я совершенно другими глазами стала смотреть на мир, научилась думать, анализировать, иметь свою точку зрения.

Итак, что за четыре дня можно сделать? Всего по пятьдесят килограммов на человека! Что продали, что отдали, что выбросили. Мама к тому времени уже имела горький жизненный опыт (она перенесла два голода – в 1922 и 1933 годах) и, предвидя, что впереди нас ждал еще один – военный, сказала:

– С собой необходимо взять продукты.

Купила, что смогла, сухарей засушила. Мы в то время только завели пчел, пришлось и их продать; нарезали соты, сложили в бидон... Все это нам потом очень пригодилось. Мама запаслась лекарствами, соляной кислотой на случай цинги. В Пятигорске мы были вынуждены бросить всю мебель. С собой взяли только одежду; два года в Сибири мы жили на то, что меняли ее на молоко и картошку. Денег с нас никто не хотел брать – кому они тогда были нужны! Сейчас рубли называют деревянными, а тогда я не знаю, какими они были, глиняными, наверное, что рассыпаются сразу.

Перед отъездом папа предлагал:

– Татьяна, разведись со мной формально, и ты останешься дома, в Пятигорске!

Кстати, многие так и делали. Жены разводились с мужьями, дети отказывались от отцов, которых отправляли на выселение одних. Папа и мне предложил отказаться от него. Ведь когда я получала паспорт, Гитлер уже всю развернулся на Западе. Отец уговаривал:

– Пиши «русская».

Я допытывалась:

– Зачем?

Он не объяснял, а просто настаивал:

– Пиши «русская»!

Видимо, он интуитивно чувствовал или, вернее, оценив ситуацию, пришел к выводу, что будет гонение на немцев. Так я и записалась – «русская», по национальности мамы. Но отказаться от отца, пусть он и сам предлагал мне это, поступиться своей совестью я не могла. Не могла!

– Как же я могу от тебя отречься? Я так тебя люблю! Я вижу, как ты всю жизнь трудишься. Ты честный человек, не вор, не убийца. Как же я от тебя отрекусь?!

– Дочка, да это формально. Хоть в квартире останетесь.

Он всю жизнь ждал эту квартиру в Пятигорске. Только дали, двух лет не прожили – выселили. Но мы с мамой отказались от сделки с совестью. Мама сказала тогда:

– Мучиться, страдать – вместе! Заболеешь ли ты, случится ли что с тобой, мы всегда будем рядом, и тебе будет легче с нами. Как нам без тебя? Мы будем скучать, переживать. Что нам – стеречь эту квартиру? Нет! Страдать – так вместе, и куда ни повезут – вместе!

Она рассуждала, как в свое время жены декабристов, и я была с ней согласна. Отец хоть и продолжал нас уговаривать, но до чего же ему было приятно, что мы от него не отступились! Он был так благодарен нам за это, говорил:

– С вами – хоть куда!

Так и отправились все вместе. Целых два месяца во вшивых товарных вагонах ехали в Сибирь. Привезли нас в Томскую область, в деревню Усманка – тридцать домов, население в основном старики и дети, мужчины воевали на фронте.

– Фашистов привезли! Врагов привезли!

Подшли с насмешками, и пришлось нам прямо-таки завоевывать должное к себе отношение. Папа ходил по домам, разговаривал с людьми, стараясь рассеять о нас плохое мнение. Какие же там люди забитые! Я посмотрела – Господи! Бедные люди, в таких уголках они ничего не видели, не знали. Там уже за пять лет до войны не было хлеба – давали по 60 граммов на трудодень. А уж как война началась, так и вовсе голодали и голодраными были. Правда, от старого времени оставалось несколько обеспеченных семей, но – единицы.

В деревню вселили три немецкие семьи: беременную женщину с мужем (мама принимала у нее роды, и новорожденная в честь нее была названа Татьяной; если она сейчас жива, дай ей Бог здоровья!), папиного двоюродного брата, дядю Адольфа с семьей – женой и двумя девочками, и нашу семью. Дядя Адольф был совершенно больным человеком, и поэтому его не взяли на трудфронт, а папу и дядю Яшу, мужа беременной женщины, забрали. Папа прожил с нами всего шесть месяцев.

Что же получилось? Мы-то думали быть с ним вместе, разделить трудности ссылки, а остались одни на чужой стороне. Работали в колхозе, от работ не освобождали даже больную маму (у нее уже тогда было плохо с сердцем). Останься мы дома – жили бы среди друзей и родных. До Пятигорска мы десять лет прожили в Минводах, рядом была станция Иноземцево, где я родилась, где родились папа, бабушка и еще какие-то прапрабабушки... И хотя в начале войны бабушку, ее братьев и сестер выслали, но родню, кто имел русскую фамилию, оставили. В ста километрах от Пятигорска по сей день есть Новоселицкий район, а в нем – село Новоселицкое, где родилась моя мама, где жили мои родственники, где мои двоюродные сестры и племянники живут до сих пор... Оказавшись в далекой Сибири, мы чувствовали себя как

бы выброшенными на необитаемый остров. Работая от зари до зари, очень тосковали по папе, который в письмах сочувствовал нам: «Что я вам говорил! Не послушались меня и теперь расхлебываете. Я один, без вас. Да и вы без меня на чужой стороне...»

Однако нам удалось очень быстро обрести друзей среди сибиряков. Для меня в семнадцать лет оказаться в глухой деревне после городской жизни было серьезным испытанием. Первое время я была очень растеряна. Потом поняла: если уж попала в глухомань, придется как-то пристраиваться к деревенским девчонкам: других-то не было. Приходилось так себя вести, чтобы они не то чтоб полюбили меня, но по крайней мере зауважали. По вечерам сельские ребята собирались в конторе, где, как правило, шла болтовня ни о чем. Мы с братом тоже приходили к ним и научили их тем играм, которые знали сами. Я собирала ребят вокруг себя и рассказывала им о том, что успела увидеть и узнать. Эти забытые и малограмотные ребята имели образование по 3–5 классов, в школу ходили за семь километров, десятилетку из них никто не окончил, потому что нужно было ехать в район за сорок километров, а это далеко не каждому было по карману. Ведь нужно было оплачивать квартиру, продукты привозить. А транспорт какой был? Лошади, только лошади, да и тех не давали в колхозе – берегли для работ. Библиотеки в деревне не было, ребята ничего не читали, мало что видели и слышали, поэтому черпали из моих рассказов много нового и интересного. Часто восклицали:

– Ой, неужели? Не брешешь?

Это очень меня приободряло, побуждало к новым рассказам. Мне было приятно, что я могу открыть им что-то новое, научить чему-то.

На выселении я прошла трудовую школу. Работали в колхозе. Заработанных трудоней на питание не хватало. Приходилось ходить пешком за 40–60 километров в дальние, более богатые деревни – обменивать наши вещи на продукты. Оказалось, сибиряки – добрый, гостеприимный народ. В какой бы дом мы ни постучали, нам нигде не отказывали в ночлеге. Наварят чугуна картошки, сами садятся и нас приглашают.

Тяжелые были времена, но я не унывала. Я сейчас пытаюсь понять, что же меня в то время поддерживало? Прежде всего, конечно, молодость, а еще – ответственность за маму и брата. Маме было очень горько, тяжело. Я старалась, как могла, облегчить ее жизнь. Однажды, помню, она плакала, тоскуя о папе, и я спросила:

– Ну что ты плачешь: папы нет рядом, но мы-то с тобой?

– Дочка, не дай бог, чтобы ты когда-нибудь рассталась вот так с мужем. Вы – это вы, дети, а папа – это папа, тебе не понять...

Я вспомнила об этом разговоре, когда умер Владимир Максимович, отец Володи и Игоря. Я тогда ужасно горевала, и друзья пытались меня успокоить:

– Тебе нужно жить для сыновей, смотри, какие они у тебя хорошие...

Вот тогда-то я и прочувствовала, что любовь к детям – это только одна сторона любви, а любовь к мужу – иная... Мы понимали, что всем в то время жилось трудно. Война есть война. Работать в колхозе было очень тяжело. Но надо – значит, надо.

Как-то приходит к нам бригадир и говорит:

– Сегодня надо быть на самом дальнем поле, Татьяна Ивановна, не можете ли вы пойти с ребятами, я всех своих уже разослал.

Заставить нас он не мог – мы не колхозники были; но бригадир был такой душевный человек, что отказать не было никакой возможности. Собирались и шли на дальнее поле. Как ни трудно было, но понемногу нам удалось приспособиться к деревенской жизни. Однако жить спокойно и там не дали. Через некоторое время пришла первая повестка с приказом явиться на призывной пункт для отправки на трудфронт (тогда отправляли на шахты или военные заводы). Мама в то время тяжело болела – было плохо с сердцем. Оторвали меня от мамы; она осталась в деревне, а я приехала на призывной пункт. Сажу в коридоре, плачу. Подошел один из организаторов, спросил:

– Что случилось? Почему так плачете?

– Меня забирают на работы, а в деревне остались младший брат и мама больная, не знаю, выживет или нет.

Непонятно почему, но в тот раз меня отпустили домой. Может быть, дело решило то, что по паспорту я русская. Возвратилась домой. Через некоторое время опять приходят повестки маме, мне и тете Элеоноре, папиной снохе. Дома оставались одни только дети: мой брат четырнадцать лет, две дочери тети Элеоноры, одиннадцати и девяти лет. Дядя Адольф умер почти сразу после приезда в Усманку. Собрали мы детей в одной избе и оставили их одних на чужой стороне. Целый день мы провели на призывном пункте – шла сортировка. Русских людей с немецкой фамилией оставляли. Тетю Элеонору забрали, а нас с мамой отпустили. Вернулись мы домой. В скором времени пришло известие, что тетя Элеонора попала на шахте в обвал и погибла. Ее дочери, круглые сиротки, стали жить с нами, не могли же мы их бросить.

В то время за мной начал ухаживать деревенский парень – Николай. Мама подрабатывала шитьем, обшивала их семью, а они расплачивались с нами продуктами: то муки подбросят, то картошки. Николай – парень хороший, не пил, не курил, но очень уж был застенчивый. Стеснялся того, что он деревенский, а я городская. Сначала Николай и не думал ко мне свататься, тем более что мы с мамой все время рассуждали о том, что, дескать, война к концу идет и, как только она кончится, мы сразу уедем домой. Но вот пришла третья повестка.

– Сушите сухари, готовьтесь. В скором времени, может быть, к осени, вас заберут.

На этот раз повестка пришла и на моего младшего брата Володю: ему исполнилось пятнадцать лет. Дома, в деревне, оставались две девочки – Ирма и Вильгельмина. К тому времени мы все вещи уже обменяли, ничего не осталось. Выменяли корову, картошку посадили. Думали, что на зиму хоть картошкой и молоком будем обеспечены. Но корову предписывалось сдать в колхоз, а картошку сыпать в колхозный амбар.

– Вот вернетесь с работ, корову выдадим, пусть не вашу, а колхозную. Картошку, сколько сдадите, вернем, чтобы вы не на пустое место приехали.

Но мы в это не верили – помнили, как у нас на Кавказе отобрали приемники: по радио выступал Гитлер. По-видимому, боялись, что мы откликнемся на его призывы. Так до сих пор нам эти приемники и «отдают»... Вот в этот момент наконец-то Николай и решился посвататься ко мне.

– Оля, выходи за меня замуж. Возьмешь русскую фамилию, останешься в деревне и все твоё хозяйство останется при тебе. Родных заберут на шахты, ты сможешь им помочь: продукты будем посылать, навещать их. За девочками приглядывать будешь, без тебя ведь они погибнут.

Действительно, тогда посылали в Киселевск, на Кемеровские шахты, в Прокофьевск – все это за четыреста километров от того места, где жили мы. И вот, оказавшись в безвыходном положении (а разорены мы были начисто), я решилась на отчаянный шаг – выйти замуж за Николая, сохранить оставшееся имущество и этим спасти детей, а может быть, и жизнь мамы с братом. Тогда мне казалось, что это был единственный выход. Я посоветовалась с мамой. Помню, она заплакала и спросила:

– Ты его хоть любишь?

– Ну какая тут любовь? Надо думать – как выжить. Николай хороший парень. По всей видимости, будет хороший семьянин. Настоящий сибиряк. Работяга. Я его никогда праздным не видала. Сено у него всегда накошено. Дров заготовлено на две зимы. Бригадир рыболовецкой бригады, значит, рыбой будем обеспечены. С ним я не пропаду и вам сможем помочь.

Так я и вышла замуж за Николая, а маму с братом отправили на шахты в Прокофьевск. Я оптимистка, в любой ситуации всегда нахожу хорошее. Зажили мы с Николаем дружно. Све-кровь у меня прекрасная была: очень сочувственно относилась ко мне, жалела. Я это очень ценила тогда и дала себе слово, что к своим невесткам, если они у меня будут, постараюсь

относиться так же доброжелательно. За все время выселки я наконец-то наелась в их семье вдоволь.

Почему мой муж во время войны оказался в деревне, а не на фронте – надо пояснить особо. Муж мой был из семьи середняков. Его дед с четырьмя сыновьями успешно управлялся с хозяйством, не используя наемных рабочих. У каждого сына было по лошади. При раскулачивании середняков приравнивали к кулакам: всех родственников мужа во главе с дедом отправили в Нарым. Дед погиб, а остальные со временем вернулись инвалидами, подорвав здоровье. Отца моего мужа как сына кулака не брали на фронт, и Николая по этой же причине два раза возвращали с призывного пункта. Вот он и жил в деревне – рыбачил. Потом его пригласили на работу в другой район – на реку Чулым. По законам военного времени он должен был сняться со старого учета и стать на новый в трехдневный срок. Не знаю, по какой причине он не успел обернуться в положенное время. Сначала я не знала об этой новой беде. Потом как снег на голову пришло известие, что муж объявлен вне закона и вынужден скрываться. Его искали повсюду. Приходили к нам домой с обысками, издевались над нами. Естественно, он и сам был не рад создавшемуся положению, при первой возможности собирался объявиться где-нибудь и попроситься на передовую. Я знала, где он находился, но, конечно же, выдать его не могла – ведь его расстреляли бы. Не могла я взять такой страшный грех на душу. Скрывала я его, что греха таить! Пробовали говорить со мной и по-хорошему, но я не сдавалась. Тогда решили взять испугом. Однажды в гостях у подруги меня внезапно арестовали, пригрозили тюрьмой, большим сроком, сказали, что не отпустят, если не подпишу бумагу о том, что обязуюсь указать властям местонахождение моего мужа, в противном случае буду считаться изменником Родины. Я была в отчаянии и подписала эту бумагу, тем самым подписав себе приговор: естественно, я и не думала выдавать мужа!

Меня отпустили, и я побежала домой. А бежать надо было четыре километра лесом. В полночь я летела по лесной тропинке, как на крыльях, не чувствуя ни страха, ни усталости. Только все оглядывалась – не бегут ли за мной, не выследят ли мужа. Главное – успеть предупредить. Прибежала к своей избе, осмотрелась – кажется, «хвоста» нет. Переночевала – тишина. Утром приезжает рыбак:

– На перекате – милиция, два милиционера стоят...

У меня сердце кольнуло – выставили дозоры. Надо собираться и бежать к мужу – скорей, скорей! Надела второй сарафанчик, сапоги – в лес ведь шла. Даже котомочку побоялась взять с собой. Перебралась на лодке на другой берег Яи. Иду лесом и для виду напеваю – может, за мной следят... У нас с мужем было условное место, где мы с ним встречались. Осторожно подошла, дождалась мужа, бросилась к нему:

– Бежим! Может быть, за нами следят...

За эту ночь мы ушли за 20–30 километров от того места. Назавтра в полдень – время, когда я его должна была выдать, разобрал меня смех: думаю, что же они теперь там делают? А они подождали, подождали и поехали к свекрови, перевернули у нее все. Опросили в округе всех немцев – меня искали.

Муж продолжал скрываться, и я была вынуждена скрываться вместе с ним. Жили в лесу, в землянке. Что мне пришлось вынести за это время – просто не могу вспоминать. К моему несчастью, я забеременела. Шли месяцы, в лесу уже невозможно было оставаться в таком положении. Нужно было перебираться к родственникам мужа, которые жили в другом районе, за пятьсот километров. Николай пошел в деревню, чтобы взять мне что-нибудь из продуктов и одежды на дорогу. Пришел к соседке, у которой я перед побегом спрятала вещи, а там – засада. В Николая стреляли, ранили в живот. И он, думая, что рана смертельная, застрелился, чтобы не мучиться...

Что делать?! Единственный выход – добраться до родственников мужа. Села на поезд, «зайцем», конечно. Ехала в тамбуре товарного вагона. Однако скоро мое путешествие

по железной дороге закончилось. Пошла пешком. Идти надо было километров девяносто. Нашлись добрые попутчики – дядечка с мальчиком лет двенадцати. Они сами ели и со мной делились. И вот идти осталось совсем немного. Мои попутчики предложили:

– Осталось всего четыре километра. Ты иди потихоньку, с отдыхом, а мы побежим вперед. Хозяйку предупредим, она баньку истопит.

Но силы были на исходе: все-таки беременность около семи месяцев. Сдвинусь с места и стою, не могу идти. Отсижусь, отлежусь, поднимаюсь, а ноги подкашиваются... Этот путь я на всю жизнь запомнила. Дело в том, что я его проползла на четвереньках. Когда приползла, было уже темно-темно. Мой попутчик вышел навстречу:

– Что с тобой?

А я уже и говорить не могла. Поднял он меня, привел в избу, накормил. Отвели в баню, помылась я, уложили на чистую постель. Господи! Я так, по-человечески, давно уже не спала. Утром проснулась оттого, что мне в глаза попал солнечный зайчик. Никого нет, а на столе записка: «Оленька, кушай, а узелок возьми с собой в дорогу». Тут же сметана, молоко, шанежки деревенские (шанежками в Сибири называют ватрушки с картошкой). Прежде чем приступить к еде, я расплакалась: совсем простые люди, а такие добрые – поверили мне, оставили в доме одну. Поела, взяла приготовленное в дорогу, вышла из дома, дверь на щеколду закрыла и думаю: «Господи, а вдруг после меня кто-нибудь войдет и что-то возьмет, а подумают на меня!»

Отошла подальше и опять залилась слезами: Боже мой, куда же я иду? К матери родной, к тетке, к сестре? Иду, по сути, к чужим людям, родным мужа. Николай застрелился. Кто я им? Вопреки сомнениям приняли меня хорошо. Но долго прожить там мне не удалось: выдал человек, который провожал меня в этот путь. И вот меня, беременную, арестовали, прогнали двадцать километров пешком, и начались мои мытарства по кпз и тюрьмам.

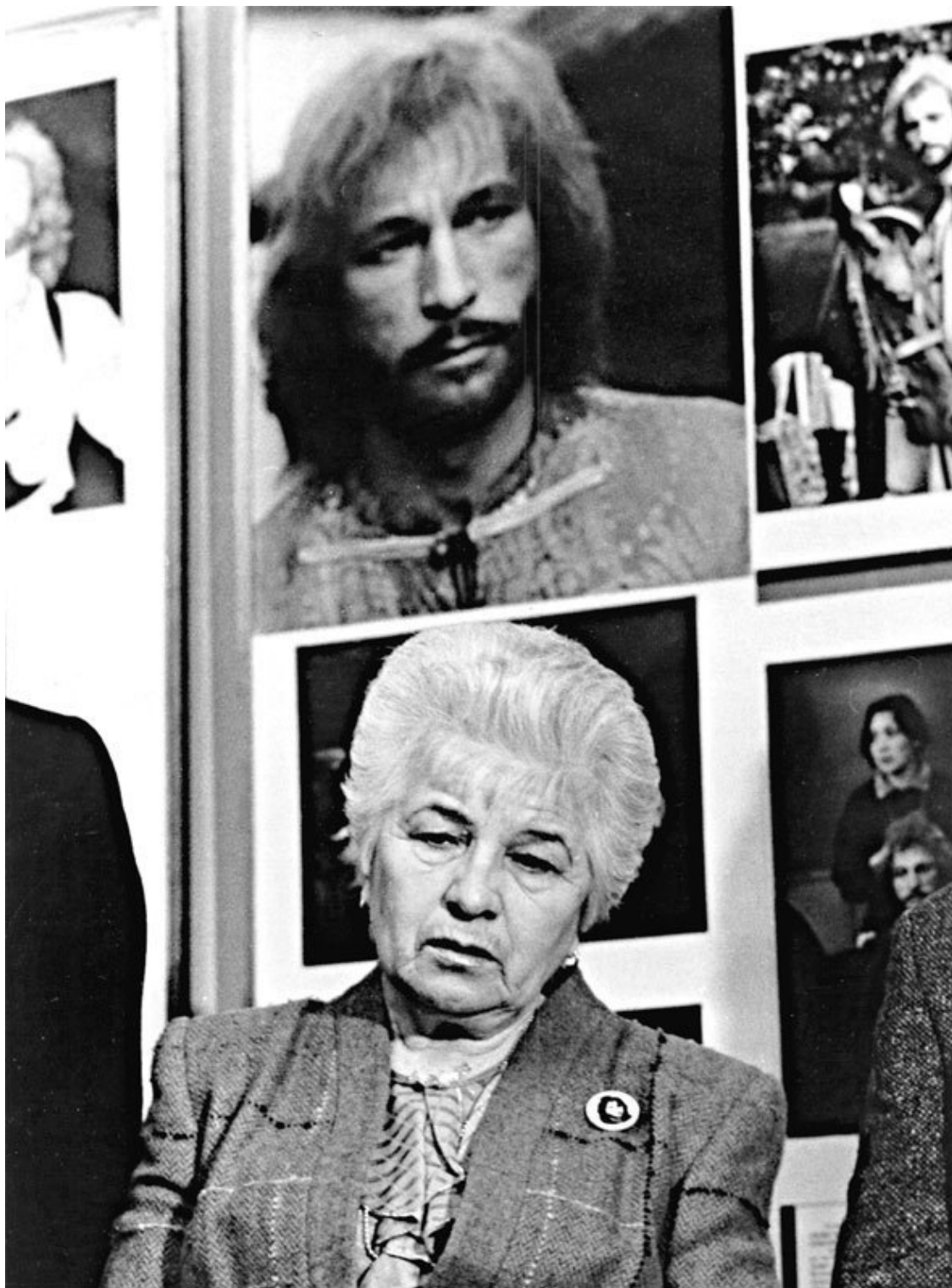
В кпз, видно, с дороги, начались схватки. Вызвали дежурного, и в сопровождении милиционера меня отправили в больницу. Родился мой первенец – сын Виктор. Находилась я в палате под присмотром милиционера, который был со мной в больнице все время, пока я там лежала с ребенком. Спал со мной в одной комнате на соседней кровати, а пистолет под подушку ночью прятал.

– Вот ты спать ложишься, а вдруг я ночью захочу убежать?

– Господи, да куда же ты от своего ребенка побежишь?

Из больницы нас некому было встречать. Ребенок голенький. Дали мне кусочек старого одеяла и одну пеленочку. Завернула я сына голенького в пеленочку и отправились в кпз. Так и жили мы в камере. Одежды не было никакой: только то, что на мне и ребенке. Однажды подселили к нам в камеру семнадцатилетнюю воровочку – такую веселую, бойкую девчонку. Увидела она нас:

– Ой! Что это у вас ребенок совсем голый?

Ольга Юльевна в музее Игоря Талькова в Черниговском переулке (Москва)

А у нее такой большой красный платок на плечи был накинута. И вот эта девчонка стала кулаком стучать в дверь, звать надзирателя:

– Дайте ножницы! Иголку с ниткой! Сейчас мы ребенка одевать будем.

Быстро расстелила платок, выкроила распашонку, капорчик.

– А штанов тебе не надо, тут ты писать будешь.

Такая хорошая девчонка! Обманули ее, дурочку, воровать подучили, она и не устояла. А так – ребенок совсем еще!

Кормили меня ужасно. Раз в сутки – баланда из свекольной ботвы и хлеб. Правда, на ребенка давали дополнительно четыреста пятьдесят граммов хлеба. Съедала я все это, начала кормить. Ребенок сосал грудь, отворачивался, и у него тут же начиналась рвота зеленым фонтаном, а потом появился и понос. Вот так мой ребенок и мучился. В КПЗ я провела две-три недели. Спали мы с ребенком на полу. Клопов было видимо-невидимо. На прогулке я собирала крапиву и в камере на полу вокруг ребенка делала ограждение. Это нас немного спасало от клопов.

Встречались добрые люди и среди надзирателей. Однажды поздно вечером дежурный принес мне ушат горячей воды, кусок мыла, свои новые фланелевые портянки на пеленки (две такие большие портянки):

– Милая, возьми и никому не говори. Искупай ребеночка, постирай, что нужно на него. Потом постучишь, и я тихо-тихо все вынесу.

Я молилась на таких людей. Господи! Ведь я первый раз после родов купала несчастного ребенка, а ему три или четыре недели уже было. Искупала я его, завернула в мягкую пеленочку и просто счастье испытала. Надзиратель забрал ушат, вылил воду и еще раз предостерег:

– Никому ничего не говори.

Потом меня с ребенком перевели в Мариинскую тюрьму. Здесь я немножечко подкрепилась. Вот как это произошло. Я всегда любила рисовать и вышивать. Однажды девчата, которые сидели со мной в одной камере, дали кусок материала, и я сшила распашонку. Но она получилась скучная, не радующая сердце. Что делать? Из казенного одеяла я выдернула цветные нитки и вышила распашоночку. Девочки пришли в восторг. Они показали мое изделие расконвойным – больше некому было:

– Смотрите, какую красоту она умеет делать!

После этого случая мне стали приносить носовые платки, салфетки всякие с просьбой украсить вышивкой. Я вышивала, а мне за это то лишнюю баланду сунут, то кусок хлеба. Я делилась со всеми в камере, никогда себе про запас не оставляла. Может быть, мне за это Бог здоровье дал: до сих пор жива, несмотря ни на что.

В тюрьме сын начал болеть. Кричать стал. Похудел страшно. Женщины и говорят:

– Да он у тебя голодный!

Я была молодая, не понимала. Тронули грудь, а она пустая, молока нет.

– Да он у тебя с голода умирает!

Ужас! Что же делать?! И вот я трехмесячного ребенка супом гороховым стала кормить, намажу ему хлеба – и в ротик. Ну как ему после этого быть здоровым! Постоянно у бедного то понос был, то рвота. Намучилась я. А помочь ничем не могла.

Через одиннадцать месяцев состоялся суд. Мне был вынесен приговор – десять лет. Све-крови, которую с младшим сыном тоже арестовали, – шесть лет непонятно за что; пятнадцатилетний мальчик умер в тюрьме – не вынес тюремной баланды.

Что я могу сказать: мой муж никого не тронул, не ограбил, не убил. Не успел встать вовремя на учет, но хотел повиниться, пойти на передовую – не получилось... Я же пострадала только за то, что не смогла его предать. Я была молода и несведуща в законах. В деле, когда мне дали его прочитать и подписать (ст. 206), я обнаружила такую несправедливость, на меня «повесили» столько преступлений... Муж был убит, оставался единственный свидетель Черников. Я потребовала очной ставки. С большим трудом следователь согласился. Черников все отрицал вместе со мной. Все было зафиксировано на листе (отдельном) и прикреплено к первому листу папки с «Делом». Следователь перевернул папку и в конце заставил меня поставить подпись, при этом уверял, что лист очной ставки оправдает все. И вот так-то я по неопытности (меня учили не лгать, я верила всем тоже) подписала придуманное обвинение. А на суде, когда зачитали дело, не оказалось листа очной ставки. Я стала протестовать, но судья показала папку, там не было той злополучной бумаги... Так я оказалась преступницей, страдала потом

всю жизнь из-за несправедливости, лжи в правосудии, лжи в конституции и перестала в конце концов верить властям и законам. Ничего! Все вынесла. Бог дал силы и здоровья! За это я благодарна Ему!

После вынесения приговора я попала в лагерь для матерей. Удалось дать знать родителям. Стали мне помогать, правда, редко: в три месяца раз разрешалось получить одну посылку. Это была хоть небольшая, но поддержка. Одетая я была во все тюремное.

И началась моя жизнь в лагере. Ребенок был в яслях, я работала: вырубала мерзлую землю, поливала капусту – с деревянными ведрами по полю ходила, выкармливала свиней отборных, не знаю, для кого – заключенных голодом морили. На поле вязала снопы пшеницы. Вся одежда промокала; приходила в барак, раздевалась, складывала все под себя, и за ночь успевало лишь слегка подсохнуть. Печки в бараке были чуть-чуть теплые. Да и невозможно было всю одежду на них разместить – нас ведь было по сто человек в каждом бараке. Это потом нам сделали специальные сушильные комнаты. А сначала приходилось каждое утро надевать сырую одежду (только чуть провяленную) и выбегать на развод. И это в любую погоду. На непосильных работах я надорвалась и заработала грыжу, и только после этого мне уменьшили норму. Мой ребенок постоянно болел, почти все время находился в больнице. В год с небольшим он умер у меня на руках...

Первое время я была в отчаянии. Но потом стало легче. Я увидела, сколько невинных людей сидело, и каких людей! Не воров, не бандитов, не убийц – а этим и там жилось вольготно. Обворовывали они нашего брата, и я пострадала дважды: оставляли, в чем стою. Если бы я на это пожаловалась начальству, было бы еще хуже – могли просто убить. Молчала, терпела, все несла и, как ни странно, нисколько не озлобилась от такой жизни, не потеряла веру в людей, сострадание к ним. Когда получала посылки, делилась со всеми: хотелось хоть что-то приятное сделать людям. В лагере по-настоящему поверила в Бога, и вера эта очень поддерживала меня: «Боже, Ты послал мне испытание, но я все вынесу». Один только раз не выдержала, зароптала. Когда я узнала, что умерла мама: «Господи, для кого же мне беречь себя, ведь мамы нет?»

Пожалуй, больше всего меня мучил не сам режим, а отношение к заключенным. Утром приходят:

– Встать! Статья? Срок? Конец срока?

И так каждый день.

Но, несмотря на все это, я не жалею себя. В лагере удалось познакомиться с такими людьми, которых я и не мечтала встретить на воле: артисты, люди из сферы искусства, науки – мне было интересно с ними. В лагере была библиотека; я не теряла времени даром и в свободное время много читала. Со временем мне удалось найти заработок, чуточку облегчивший мое существование. Я уже говорила, что с детства немного рисовала. Каждому человеку хотелось поздравить с праздником своих друзей и близких, тем более в неволе, а в продаже не было никаких открыток. Вот я и стала рисовать открытки сначала только для себя, потом их увидели мои лагерные знакомые и стали просить, чтобы я и им нарисовала. Я поняла, что эти открытки нужны очень многим людям. Возвращаясь с общих работ, я быстро расправлялась с похлебкой, залезала на верхние нары под лампочку и до трех часов ночи рисовала открытки. В шесть – подъем на работы. Я была молодая, сильная, выдерживала такую нагрузку. Рисовала к празднику по сто, двести, триста открыток и продавала их по рублю. В зоне открыли ларьки, в которых я могла купить себе что-нибудь съестное. Об одежде я даже и не мечтала, довольствуясь тем, что присылали родители.

Потом в лагере произошло событие, которое перевернуло всю мою жизнь: образовался театр...

На этом надо остановиться подробнее. В нашем бараке жила Катя Владимирова – артистка театра Вахтангова. Выглядела она довольно странно, хотя вообще-то была красивой женщиной. Она совершенно не следила за собой, не причесывалась, иногда даже не умывалась;

чулки были всегда перекручены, приспущены. После концертов грим с лица не смывала, так и ложилась спать загримированная. Утром приходили поклонники с поздравлениями, и Катя являлась к ним во всей «красе». Такое поведение нельзя было объяснить тем, что Катя была неряхой по природе. Дело в том, что она сама выбрала этот стиль поведения, считая, что все «великие» должны выглядеть именно так, им обязательно должен сопутствовать этакий «художественный беспорядок». Вообще-то она была неплохая актриса, а стихи писала действительно великолепные. По вечерам вокруг Кати собирались люди; и я среди них. Обычно мы занимались тем, что разыгрывали сценки, – так естественно зарождался импровизированный театр. Со мной она репетировала «Мазепу»: я была Мария, она – Мазепа. Однажды Катя разругалась со своим театральным начальством и не пошла на репетицию. Она была очень высокого мнения о себе; считая себя незаменимой, была уверена, что за ней тут же прибегут. У нас в бараке жили певица и костюмерша из того же театра. Они слышали, как Катя хвалила меня: «У нас есть девочка молоденькая, я репетирую с ней “Мазепу”. У нее так искренне все получается, со слезами». Они и решили рекомендовать меня режиссеру:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.